

Немецкий язык в идиолекте М.В. Ломоносова

В преддверии недавно отмеченного 300-летнего юбилея Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765) было решено приступить к созданию серии словарей языка Ломоносова, целью которых является создание русского, латинского и немецкого лексиконов (это те языки, которые являлись рабочими языками ученого). Подобный тезаурус способен отразить научный и культурный потенциал Ломоносова, его влияние на формирование российской науки, а также его взаимосвязь с общеевропейским научным сообществом. Это позволило бы реализовать уже давно назревшую необходимость целостного филологического исследования совокупности слов всех текстов М.В. Ломоносова. Предполагается, что императивом такого исследования должен стать объективный, детальный анализ каждого лексического элемента идиолекта Ломоносова.

«Согражданином Афин и Рима» назвал Ломоносова А.Н. Радищев [Радищев 1992,116]. Метафору Радищева можно было бы вполне развить и назвать Ломоносова согражданином Марбурга, Фрейберга, Лейпцига, Касселя, Гааги, Амстердама и других европейских культурных и научных центров. М.В. Ломоносов был не только самостоятельным, подлинно русским мыслителем, но и одновременно «гражданином мировой республики ученых», глубоко усвоившим ценности культур античности и Нового времени, сделавшим систему идей и знаний античной и европейской цивилизаций частью своей личности¹. Деятели гуманистической европейской науки Х. фон Вольф, И. Ньютон и Р. Бойль были для Ломоносова примером профессионального и личного успеха². Европейские ученые, говорившие и писавшие на латинском и немецком языках (в первую очередь такие, как Г. Агрикола–Бауэр, И.А. Браун, И.А. Гартман, Г. Гейнзиус, О. фон Герике, Х. Гольдбах, И. К. Готшед, Ф. Гофман, Ю.Г. Дуйзинг, Г.В. Крафт, Г.В. Лейбниц, В. Нейкирх, Л.В. Тюммиг, Г.Э. Шталь, Г.Ф.В. Юнкер), глубоко повлияли на формирование его научных воззрений и внутреннего мира.

Понимание этого привело группу исследователей из Санкт-Петербургского университета и Института лингвистических исследований РАН к мысли о подготовке словаря М.В. Ломоносова. Академик Н.Н. Казанский, первым высказавший эту идею, предложил расширить традиционные границы «авторского» или «писательского» словаря и включить в его эмпирическую базу не только тексты на русском, но и тексты на латинском и немецком языках.

Благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 2009 году началась работа над созданием словаря немецкого языка М.В. Ломоносова, представляющего немецкую составляющую его полиязычного идиолекта. Данный проект получил по предложению его руководителя, профессора, заведующего кафедрой немецкой филологии СПбГУ К.А. Филиппова название «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века».

Как известно, М.В. Ломоносов почти пять лет учился в Германии – в Марбурге и Фрейберге (1736-1741). За это время он быстро прошел все этапы освоения немецкого языка – от первых шагов до свободного владения. Успехи Ломоносова объясняются, возможно, тем, что он начал изучать немецкий язык еще в Петербурге, когда узнал о

¹ Ю.М. Лотман писал по данному поводу, что «возможность пользоваться разными языками в пределах некоего семиотического единства составляет базу всех интеллектуальных процессов» [Лотман 2010,105]. Между прочим, большой интерес представляет комплексное исследование этого семиотического единства – понятийного поля или «*orbis mentalis*» Ломоносова.

² В 1753 г. М.В. Ломоносов писал своему покровителю графу И.И. Шувалову: «Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны Невтона, богатого лорда Бойла [...] Волфа, который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство» [АПСС 10,480].

предстоящей поездке в Германию. Этому могло способствовать знакомство с адъюнктом Академии Наук В.Е. Адогуровым, который занимался со студентами Академического университета математикой³. Ломоносов не мог не знать, что В.Е. Адогуров, пользуясь уникальным языковым окружением в Академии наук того времени, самостоятельно выучил немецкий язык. Он настолько хорошо овладел языком, что написал по-немецки грамматику русского языка («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», 1733). Изучению немецкого языка Ломоносов вполне мог посвятить свободное время на пути в Германию, ведь это путешествие продолжалось почти два месяца. Помогать ему в этом мог его товарищ по поездке Г.У. Райзер, билингв, владевший немецким с детства.

В письме из Марбурга от 4 сентября 1737 года, адресованном камергеру барону И.-А. фон Корфу, Ломоносов упоминает о своих первых успехах в немецком языке: „Weil aber biß dato der teutschen Schprache nicht mächtig bin gewesen, und jetzo etwas darin gethan, so habe mich in tieffer demuth erkünnen wollen Denenselben nicht nur meine unterthänigste Pflicht abzustatten, sondern auch die Erstlinge der teutschen Schprache auf zu opfern“ [АПСС 10,415]⁴. Первый взгляд на некоторые особенности орфографии Ломоносова придают дополнительные краски процессу овладения языком. В этом фрагменте обращает на себя внимание написание слова Sprache с использованием триграфа *sch*– Schprache. Такое написание встретилось в рабочих материалах словаря всего 4 раза (Schprache – 2, Schprach-Meister – 1, Schprachmeister – 1), в то время как обычная форма Sprache была зафиксирована 17 раз (словоформы Sprache – 4, Sprachen – 4, Sprachmeister – 3, Sprach-Meister – 2, sprechen, spreche, spricht, sprach – по одному разу). Показательно, что три (из четырех ошибочных) написания слова Sprache обнаружилось в текстах, написанных Ломоносовым в сентябре 1737 года, т.е. в начальный период его пребывания в Германии.

Итак, в Германии Ломоносов попал в совершенно иной мир: его, безусловно, взволновала и потрясла новая культура, он получил не только новые уникальные знания, но и сильнейшие личные впечатления. В Германии он узнает о процессах нормализации немецкого языка, о деятельности И.К. Готтшеда и других представителей «Лейпцигского классицизма». Во время своих странствий по Германии он знакомится с речью разных социальных групп, различными территориальными разновидностями немецкого языка. Позднее в России он активно продолжает пользоваться немецким языком: переводит научную литературу, ведет деловую и личную переписку, общается с коллегами (большинство ученых в Петербургской Академии наук того времени было приглашено из разных частей Германии: немецкий язык, наряду с латинским, был своеобразным лингва-франка в этом интернациональном социуме). Наставниками молодого Ломоносова в Санкт-Петербургской Академии стали высокообразованные европейские ученые – носители немецкого языка: Иоганн Амман, Иоганн Георг Гмелин (следует напомнить, что именно Гмелин, уезжая из-за болезни в Германию, рекомендовал адъюнкта Ломоносова на свою должность профессора по кафедре химии⁵), Якоб Штелин и, наконец, главный, как не очень справедливо считают некоторые авторы «окололомоносовских» биографий, «недруг»⁶ Ломоносова – Иоганн Даниил Шумахер.

³ В 1733 г. Адогуров первым из русских воспитанников Академии наук получает звание адъюнкта по кафедре высшей математики.

⁴ Сокращением АПСС в статье обозначаются ссылки на Академическое полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 11 томах, изданных в 1950-1959, 1983 гг. с указанием соответствующего тома и страниц.

⁵ Об академиках И. Аммане и И.Г. Гмелине см. документальные очерки «Создатели „Минерального каталога“» А.Н. Анфертьевой [Анфертьева 2011].

⁶ Тем не менее, несколько раз И.Д. Шумахер «выручал» молодого Ломоносова из неприятных ситуаций. О И.Д. Шумахере см. статью Ю.Н. Столярова «Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения)» [Столяров 2001,473-491].

Немецкий язык играл большую роль и в личной жизни М.В. Ломоносова (его жена, Елизавета Христина Ломоносова и ее брат, Иоганн Цильх, мастер-смальтовар, живший в семье М.В. Ломоносова, предпочитали дома говорить по-немецки). Подтверждением этому служат воспоминания княгини Е.Р. Дашковой, записанные литератором К.А. Полевым. 7 июля 1764 года, узнав о болезни М.В. Ломоносова, Екатерина II посетила его дома. Увидев Елизавету Христину, императрица первой заговорила с ней по-немецки [Полевой 1836,307].

Действительно ли М.В. Ломоносов хорошо владел немецким языком? Одним из документальных свидетельств этого служит следующий факт: в 1747-1748гг. Канцелярия Академии наук посчитала возможным включить Ломоносова, наряду с двумя носителями языка – академиками Христианом фон Винсгеймом и Герардом Фридрихом Миллером в состав комиссии, которая принимала экзамен у лиц, которые хотели, выражаясь современным языком, работать профессиональными переводчиками. Например, 27 января 1747 года Ломоносов сообщает в Академическую канцелярию о результатах работы комиссии в своем рапорте в канцелярию Академии наук: «мы одного прапорщика Акулова [...] экзаменовали и дали ему переводить разные материи, а именно грамотки из некоторой печатной книги с немецкого на русский язык, да период из некоторой исторической книги с русского на немецкий язык, которые оба переводы его явились нарочитые <т.е. хорошие – авт.>, а третью, философскую материя, которая ему дана была, не таково разумительно он перевел» [АПСС 9, 917-618].

Немецкие тексты М.В. Ломоносова – объект словаря «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» – весьма разнообразны по своему объему и жанру. Это, прежде всего, служебные и деловые документы (рапорты, отчеты, записки и под.), около 70% текстов составляют личные и деловые письма Ломоносова барону И.А. фон Корфу, И.Д. Шумахеру, Л.Эйлеру, Г.В. Рихману, Я.Я. Штелину, И.Г. Гмелину и др.

Кроме того, объектом Словаря являются отдельные фрагменты, лексические вкрапления на немецком языке в русских или латинских текстах, не несущие, на первый взгляд, новой информации об особенностях немецкого языка того периода. Однако их историко-культурный комментарий позволяет выявить новые сведения о жизни и творчестве М.В. Ломоносова, об общей интегрированности его *orbis mentalis* в европейскую и мировую культуру, об особенностях русской и немецкой культуры XVIII в., о путях взаимопроникновения и взаимовлияния идей Просвещения в Германии и России.

Так, в трудах по физике и химии при обозначении различных приборов, веществ и минералов Ломоносов использует немецкие термины, например: *der Lawissige Glimmer* 'лависсова слюда' [АПСС 2,386] или *das Zuckergläser* 'химическая посуда – колба цилиндрической формы для хранения сухих веществ' [АПСС 9,13]. Иногда такие термины используются как уточняющее дополнение к русским, например магнезия – *Braunstein* [АПСС 9,35] или латинским названиям цветов: *Smaragdinus*. *Meer-grün* или *Luridus*. *Stahlgrün* [АПСС 2,424]. Немецкие слова могут быть транслитерированы, например, в «Химических и оптических записках» при записи результатов опытов со сплавами металлов: «К бою крепко, только серовато *шпейзе*» [АПСС 4,411], где *шпейзе* (нем. *die Speise*) – сплав, буквально – варево, пища, ср. термин современной металлургии *шпейза* – 'промежуточный или побочный продукт в цветной металлургии, представляющий собой сплав арсенидов и антимонидов железа, кобальта, никеля, меди и др. металлов' [www.markmet.ru/slovar/shpeiza].

Особенно трудно идентифицировать немецкие слова в латинских текстах Ломоносова. Так, в его диссертациях “*De tincturis metallorum*” («О металлическом блеске») и “*Orationis de meteoris electricis explanationis*” («Изъяснения, надлежащие к слову о электрических воздушных явлениях») встретилось слово *Scheuchzerus* [АПСС 1,404; АПСС 3,107]. Только после проведения текстологических и культурно-исторических изысканий выяснилось, что это имя известного швейцарского ученого-

естествоиспытателя, путешественника, основателя современной кристаллографии доктора медицины Иоганна Якоба Шойхцера (Johann Jakob Scheuchzer, 1672–1733), который в латинских текстах того времени встречается в форме Johannes Jakobus Scheuchzerus. Интересно, что в 1710 г. царь Петр по рекомендации Лейбница приглашал И.Я. Шойхцера в Россию на должность своего лейб-медика, но получил вежливый отказ.

Объектом словаря станут также немецкие лексические материалы, приводимые Ломоносовым в его «Российской грамматике»: «В нынешнее время у европейских народов хотя ударение на складах преимущество одержало, однако протяжение не токмо не совсем истребилось, но и некоторую разницу причиняет между речениями одного выговора, например: у немцев *Stall* краткое значит конюшню, *Stahl* долгое – сталь» [АПСС 7,404].

Данный пример интересен тем, что именно эта пара квазиомонимов приводится в качестве примеров фонологической разницы долгих и кратких гласных немецкого языка в отечественных и зарубежных учебниках по практической фонетике современного немецкого языка. [См.: Кравченко, Зыкова, Светозарова 1983,3; Rausch/Rausch 1988,293; Ternes 1987,89]. Конечно, вышеупомянутые авторы (по крайней мере, зарубежные) не пользовались материалами М.В. Ломоносова при подготовке своих рекомендаций. Но этот любопытный факт наводит на мысль о том, что наш великий соотечественник пользовался авторитетными справочниками, которые впоследствии были востребованы немецкими учеными, например, знаменитой «Грамматикой» Готшедда – “Grundlegung einer deutschen Sprachkunst von Johann Christoph Gottscheden” (Leipzig, 1749). Ломоносов рекомендовал ее в качестве учебного пособия при изучении немецкого языка в своих проектах «Регламента Московских гимназий (1755) и «Регламента Академической гимназии» (1758).

Возвращаясь к словарю, следует отметить, что он представляет собой универсальный словарь тезаурусного типа, объединяющий в себе исторический, толковый, терминологический и историко-культурный словари, а также словари собственных имен, сочетаемости и сокращений. К основным конституирующим признакам такого словаря относятся двуязычность (в словаре представлены переводы этих слов в современном русском языке, а там, где это возможно – межъязыковые параллели из текстов М.В. Ломоносова на русском или латинском языке); максимальная полнота словника; лексикографическое описание текстов разных жанров; полное семантическое описание слова и его сочетаемости; максимально полная демонстрация примеров; показ явлений смешения кодов; система реально-исторических и историко-лингвистических комментариев; лексикографическая разработка собственных имен; наличие справочного отдела (данные словарей немецкого языка XVIII века).

Можно считать, что по своим основным характеристикам этот словарь весьма близок к тому особому типу толково-переводного словаря иностранного языка на русском языке (так называемый «русский Ларусс»), пути создания которого в «Опыте общей теории лексикографии» наметил Л.В. Щерба [Щерба 1974,302]. Добавим, что словарь «М.В. Ломоносов и культура Германии XVIII столетия» является уникальным по материалу и объекту: впервые в отечественной лингвистике и лексикографии появляется очерк идиолекта полилингва, для которого речевая деятельность в разных социальных сферах (семья, научная работа, преподавание, профессиональное общение) осуществляется не на родном языке.

Эмпирическая база Словаря – корпус немецких текстов М.В. Ломоносова, которые были включены авторитетной редакционной коллегией (акад. С.И. Вавилов, акад. В.В. Виноградов) в Академическое полное собрание сочинений М.В. Ломоносова в 11 томах. Объем корпуса – около 13 000 словоформ. В корпус вошли все лексические элементы, входящие в состав немецкого языка М.В. Ломоносова, в том числе те единицы идиолекта, которые Л.В. Щерба назвал «упаковочным» или «отрицательным» языковым материалом: модальные и служебные слова, союзы, частицы, предлоги артикли. В

словник включены многочисленные сокращения, характерные для эпистолярного наследия М.В. Ломоносова, собственные имена (антропонимы, топонимы, этнонимы) и производные от них. Таким образом, словарь «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» по охвату лексического материала представляет собой «абсолютный» тезаурус корпуса немецких текстов Ломоносова.

При помощи специальных программных средств был подготовлен конкорданс (алфавитный указатель форм слов с контекстами, равными предложению) текстов М.В. Ломоносова на немецком языке. В основу текста конкорданса положен принцип филологической акрибии, т.е. без какого-либо исключения сохранялись все особенности текста в Академическом полном собрании сочинений М.В. Ломоносова. Затем была осуществлена ручная лемматизация (процедура приведения форм слова к заголовочному слову-лемме) конкорданса немецких текстов М.В. Ломоносова, а также редактирование полученного списка лемм и проверка данных по словарям немецкого языка XVIII века – «Универсальному словарю» Иоганна-Генриха Цедлера (1731–1754) и «Грамматико-критическому словарю немецкого языка» Иоганна-Христофа Аделунга (1774–1786). В результате был получен список заголовочных слов словаря «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» объемом в 1758 единиц.

Наибольшую трудность для идентификации немецкого слова в текстах Ломоносова, как уже говорилось выше, представляет собой латинский текст. Латынь, и это утверждение трудно оспорить, в то время продолжала еще оставаться языком науки, причем на территории всего европейского пространства⁷.

В числе латинизмов, встречающихся в немецких текстах Ломоносова, можно выделить следующие лексико-семантические группы: наименования академических реалий; устойчивые общеупотребительные выражения; обозначения временных промежутков; отдельные «случайные» латинские слова и выражения.

Наиболее интересными из них помимо многочисленных обозначений реалий научной жизни являются устойчивые общеупотребительные выражения, не относящиеся непосредственно к профессиональной деятельности М.В. Ломоносова. Они, несомненно, имели хождение в текстах, принадлежащих к иным коммуникативным сферам. Ср.: „Nun aber halte ich mich in Marburg bey meinen Freunden **in Cognito** auf“ [АПСС 10,426].

Особый интерес представляет пример, где в кавычках приводится общеизвестное латинское изречение, использованное Ломоносовым при характеристике его отношения к немецким коллегам по Петербургской академии, которые, как известно, были весьма непростыми: „Daß Schumacherisch schelmische Principium „**divide et imperabis**“ ist auch noch biß dato bey seinem Successor in dem größten Schwang“ [АПСС 10, 596]. Данное изречение относится к так называемым крылатым словам. Возможно, впервые оно было использовано для характеристики политической стратегии Древнего Рима. Генрих Гейне в одном из своих писем приписывает авторство этих слов Филиппу, отцу Александра Македонского [Heine], но при этом не ссылается на какой-либо конкретный источник. Считается, что в обиход это словосочетание ввел Людовик XI. В своем сборнике «Sprichwörtliches» И.В. Гете выстраивает на основе этого выражения следующую антитезу: „Entzwei und gebiete! Tüchtig Wort; Verein und leite! Besserer Hort“ [Duden,1998,122]⁸. Многие из подобных примеров встречаются во многих европейских

⁷ Практически до конца 17 в. в научном обращении доминировал латинский язык. И только в 1681 году, через 230 лет после изобретения Гутенбергом книгопечатания число книг на немецком языке ненамного превысило количество книг, издаваемых на латинском языке. Еще в начале 17 в. доля книг на латинском языке составляла 30%, к концу века их количество сократилась до 5%.

⁸ На самом деле происхождение этого интертекстуального выражения не очень ясно. Некоторые авторитетные специалисты по классическим языкам (например, М.И. Михельсон, Я.М. Боровский) сомневаются в связи устойчивого словосочетания **divide et impera** с историей Римской империи и приписывают его Никколо Макиавелли. Не случайно великолепно знавший латинский язык Ломоносов использует этот фразеологизм, чтобы дать отрицательную оценку деятельности И.Д. Шумахера. Позже он в

языках, используя либо на языке оригинала, либо в переводе, как, например, в вышеприведенном комментарии Гете. При этом переводные эквиваленты относятся к более позднему времени.

В исследуемом корпусе примеров встретился один пример, который невозможно включить ни в одну из выделенных групп: „Als rapportiren wir hiemit unterthänigst, daß, nach dem wir hier in Marburg den 15ten Nov. n. St. 1736 angekommen, wir sogleich bey einem hiesigen Doctore Medicinae Conradi ein Collegium Chymiae theoretico-practicum für 120 Thaler bedungen, worinnen er uns Stahlis Fundamenta Chymiae lateinisch erklären, und die darin vorkommende Experimenta in Praxin bringen sol[1]te, Weil er aber **praestanda** weder **praestirte**, noch **praestiren** kon[n]te, so haben wir daßelbige Collegium mit Gutbefinden des Herrn Regierungs-Raths Wolffs nach 3 Wochen aufgegeben, und sind im Januario dieses 1737ten Jah, res in ein Collegium Chymiae publicum, welches der hiesige professor Duysing über Teichmeyers Institutiones Chymiae hält, und noch fortfähret, gegangen“ [АПСС 10,361].

В данном примере Ломоносов обыгрывает известное латинское понятие *praestanda*, широко использовавшееся в юриспруденции многих европейских стран со значением ‘гарантия, обязательство’, сочетая его с однокорневыми глаголами в разных грамматических формах. (Эти глаголы образованы по известной словообразовательной модели с использованием суффикса *-ieren*). Тавтологический повтор усиливает саркастический эффект и, соответственно, повышает прагматическое воздействие аргументации последовавших действий: отказ от лекций Конради и посещение лекций профессора Ю.Г. Дуйзинга.

Гораздо менее частотны в немецких текстах Ломоносова галлицизмы⁹. Они касаются, как правило, совсем иных сфер жизни ученого, например, покупки одежды и модных аксессуаров, см., например: „für Surtout und Camisol 27 <R. thaler>“ [АПСС 10,364]; „für eine Perruque mit Haarbeutel“ [АПСС 10,369]. Единственное сходство в употреблении латинских и французских интертекстуальных элементов – устойчивые выражения, например, *à part bezahlet*: „die Schulden aber werden à part bezahlet“ [АПСС 10,432]. Среди интерлингвальных вставок на французском языке встречаются не только отдельные слова, но и целые фразы, например, адрес товарища М.В. Ломоносова по учебе в Германии Д.И. Виноградова: „A mosieur Winogradoff, etudiant en Philosophie et Mathematiques. Franco Erffurth, à Freyberg en Saxe“ [АПСС 10,432].

Как показал проделанный анализ, иноязычные, преимущественно латинские включения в немецких текстах М.В. Ломоносова, представляют весьма значительную и структурно разнообразную группу. Их историческая судьба оказалась различной. Приведенные примеры свидетельствуют о значимости иноязычных включений в немецкий язык Ломоносова, а также об их зависимости от конкретных обстоятельств создания текста, его типовых особенностей и историко-культурной мотивации. «Поликодовость» текста Ломоносова представляет собой детерминированную многими факторами специфическую черту идиолекта М.В. Ломоносова, неотъемлемую его особенность, что делает необходимым включить факты мены кодов в состав словаря «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века». Подобный ракурс обеспечивает

«Краткой истории о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» пишет о нем: «Науки претерпевают крайнее препятствие [...] и нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, который за закон себе поставил Махиавелево учение» [АПСС 10,316].

⁹ Такие «странные», «маргинальные», «случайные», «гапаксы» а точнее – низкочастотные или единичные факты нередко безжалостно изгоняются из словарей и грамматик. Тем не менее, подобные языковые явления – яркая черта эпохи, жанра, текста. Низкочастотные факты, как справедливо утверждает А.С. Герд, имеют важное значение для выявления специфики «отдельных языков, текстов, авторов, школ и локальных центров» [Герд 1993,75-97].

широкий лингвосомиотический подход к тексту, позволяющий учитывать не только собственно межтекстовые, но и междискурсивные, и межкультурные взаимодействия.

Структура словарной статьи и набор зон словарного описания в словаре «М.В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» задается особыми задачами этого справочника. Для их достижения в словаре применяются две модели организации словарной статьи: словарная статья к заголовочному слову-апеллятиву и слову-ониму. Схематически данные словарные статьи выглядят следующим образом. Словарная статья к именам нарицательным состоит из 11 элементов, из которых 5 (условный репрезентант лексической единицы, заголовочная строка, грамматическая характеристика, семантические сведения, контексты употребления) являются обязательными, остальные – факультативными (устойчивые сочетания и их контексты, историко-культурный комментарий, отсылки, межязыковые аналоги и справочный отдел). Последнее означает, что необходимая информация, которая должна быть отражена в факультативных разделах словарной статьи, отсутствует, сомнительна или является нерелевантной. Подобная структура словарной статьи является, пожалуй, универсальной для авторских словарей.

Словарная статья к имени собственному содержит 5 основных (заголовочная единица, заголовочная строка, помета «»), толкование, контексты употребления) и 2 факультативных элемента (отсылки, межязыковые аналоги и материалы к ним).

Для иллюстрации данных положений хотелось бы привести несколько примеров словарных статей в том виде, в котором они уже подготовлены для готовящейся к печати первой части словаря. Начнем с нарицательного существительного *Anmerkung*, вызвавшее интерес благодаря тому обстоятельству, что появилось в общенаучной лексике немецкого языка благодаря Х. Вольфу, учеником которого был Ломоносов, слышавший, возможно, это слово из уст своего учителя:

ANMERKUNGEN (1) *Sub, f.*

◆ *Примечание, замечание.*

- Was Ew. H. an den Ertzfeind aller ehrlichen Leuten den Müller geschrieben haben, davon lege ich einen Extract hie[r] bey, sammt meinen Anmerkungen (10, 596).

📖 Общенаучный термин *Anmerkung* ввел в немецкий язык учитель М.В. Ломоносова – Х. фон Вольф как замену *греч. σχολίου* – схолия, примечание).

📖 **Anmerkung** (Ad.), **Anmerkung** (Zd).

Интересной оказалась судьба еще одного немецкого слова в его связи с развитием русского языка, а именно слова *Abschied*, комментарий к которому в словаре выглядит следующим образом:

ABSCHIED *Sub, m.*

◆ *В составе устойчивого словосочетания: **den Abschied von j-m nehmen**: прощание (о расставании с академиком Российской Академии наук Г.-Ф.-В. Юнкером, находившемся во Фрейберге для осмотра соляных заводов).*

- Denn, so bald wir von dem Herrn Hof-Cammerrath den Abschied genommen, so hat der Bergrath Henkel angefangen das von der Academie der Wießenschafften uns bestimmtes Geld auf zu halten (10, 422).

📖 **Abschied** (Ad), **Abschied** (Zd).

— Ср.: **АБШИД** и **АБШИТ**, **АПШИТ** ✦ в русском языке XVIII в. – увольнение с государственной службы, отставка (чиновника): По моему мнению, должен быть <инспектором академической гимназии> природный россиянин, для того чтобы во-первых имел о учащих усердие, попечение, как о своих свойственниках или детях, 2) чтобы главной команде больше имел повиновения и не всегда бы чинил для малейших причин отговорки, ссылаясь на свой контракт и угрожая требованием абшида (9, 574)

В этом случае, как это видно выше, русский аналог немецкого слова, просуществовавший в языке некоторое время, нуждается в дополнительной информации, расширяющей представление о его семантическом объеме, вариантах, формах и пр.

Что касается имен собственных, то они считаются важным знаком идиолекта М.В. Ломоносова, элементом семантико-стилистической системы и, в конечном итоге, его «языковой картины мира». Добавим, что для такого необычного по материалу, задачам, метаязыку словаря как «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» лексикографически значимым является употребление собственных имен в разных текстовых позициях, изменение или преобразование их формы – случайное или умышленное. Репертуар лексикографируемых в исторических или «писательских» словарях разрядов и групп собственных имен ранее часто вызывал споры¹⁰. В настоящее время необходимость включения собственных имен в словник авторского словаря уже ни у кого не вызывает сомнения (кроме лексикографических ортодоксов-идеалистов) и не требует доказательств. Основную часть массива собственных имен словаря «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» составляют антропонимы. Антропонимы в качестве объекта словарного описания создают для лингвобиографического словаря возможность – показать личность М.В. Ломоносова на европейском культурном фоне, еще раз акцентировать его глубокие знания и энциклопедическую образованность, «погружение» в западноевропейскую науку и культуру. Кроме того, пользователь словаря может увидеть М.В. Ломоносова в новом объективном ракурсе – через связи и отношения с его современниками.

В качестве примера приведем одно из таких имен – имя научного оппонента Ломоносова *И. Х. Арнольда*. Это имя только один раз упоминается в постскриптуме к письму Л. Эйлеру 28 ноября 1754 года. Поскольку в распоряжении авторского коллектива имеются три группы текстов, принадлежащих Ломоносову – русские, латинские и немецкие, то следующим шагом в поиске необходимой информации стало обращение к русским, а затем к латинским текстам. Так, в русских текстах было найдено упоминание о студенте Арнолде. Что касается латинских текстов, то в упомянутом выше письме Эйлеру, точнее, в латинской его части, содержится следующий контекст: «*item Arnold nonnemo Erlangae*» [АПСС,10,517] («также некто Арнолд из Эрлангена»). Эрланген – небольшой город в южной Германии (Бавария), известный своим университетом.

Таким образом, анализ контекстов русского, немецкого и латинского конкордансов текстов Академического полного собрания сочинений М.В. Ломоносова позволяет сделать выводы о том, что некий Арнолд из Эрлангена выступил с критическими замечаниями в адрес теории теплоты Ломоносова и что эта критика вызвала неудовольствие Ломоносова.

¹⁰ Периферия ономастикона всегда является нечеткой, размытой, неопределенной, что объясняется подвижностью границ между именами собственными и нарицательными в речи. См. об этом: [Григорьев, Колодяжная, Шестакова,2005,5]. Об основных тенденциях в подаче собственных имен в авторских словарях см. [Шестакова,2011,17].

Ясно, что этой информации для создания необходимого и достаточного толкования собственного имени недостаточно. В таких случаях приходится обращаться к сведениям, которые можно обнаружить только за пределами эмпирической базы словаря, т.е. к «сверхсловарным» или реферативным данным, связанным с широким историко-культурным контекстом XVIII века. Речь идет, следовательно, не о лексикографии, а о творческой когнитивной деятельности, которую можно назвать историко-культурной лексикографической археологией. Источником таких сведений могут стать разнообразные русские и немецкие толковые и энциклопедических словари, справочники, научные исследования, посвященных как М.В. Ломоносову, так и истории Академии наук в XVIII веке. Среди таких источников укажем, например, краткий энциклопедический словарь «Ломоносов», составленный Э.П. Карпеевым; том «Осьмнадцатое столетие» энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга» под редакцией проф. П.Е. Бухаркина; «Летопись Российской Академии наук» и др. Дополнительные сведения могут быть почерпнуты из статьи Ломоносова “Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l’exposé qu’ils donnent des ouvrages, destinés a maintenir la liberté de philosopher” [АПСС 3,201-232]¹¹, упоминание о которой целесообразно включить в текст толкования. Точное название диссертации И.Х. Арнольда, кстати, было установлено впервые благодаря работе членов коллектива словаря с немецкими биографическими базами данных. В результате проведенных изысканий словарная статья выглядит следующим образом:

ARNOLDS (1) *Eigenname.*

◆ *Иоганн Христиан Арнольд (1724–1765), немецкий физик и математик из г. Эрланген. В 1754 году И.Х. Арнольд в диссертации «Exercitatio physica de calore motu particularum corporis eoque rotatorio circa axes nevtiqvam explicando» выступил с критикой теории теплоты Ломоносова. Полемический ответ М.В. Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии» был опубликован в 1755 году в журнале «Новая немецкая библиотека, или литературная история Германии, Швейцарии и северных стран».*

- In dem Hamburgischen Correspondent № 187 stehet aus des Arnolds Disputation ein wieder mich sehr absurder Einwurf, aus welchem zu ersehen ist, er glaube, daß das Bley den höchsten Grad der Hitze bekommt, wenn es nur zu schmelzen anfängt (10,517).

— Ср. *лат.* **ARNOLD**: item **Arnold** nonnemo Erlangaen» (10,517).

— Ср. **АРНОЛД**: Студента **Арнолда** старался сюда <Г.Ф. Миллер> выписать академиком, чтобы мне и здесь был соперником, затем что он писал против моей теории о теплоте и стуже (10,229).

Топонимы (система микропонимов и макропонимов) в словаре «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» представляют собой вторую по объему группу собственных имен в текстах на немецком языке. Среди топонимов более всего

¹¹ Текст этой работы не включен в эмпирическую базу «Словаря языка М.В. Ломоносова», так как оригинал на латинском языке утрачен, а переводы на французский и русский языки, опубликованные в АПСС, принадлежат не Ломоносову.

представлены такие разряды, как гидронимы, ойконимы, урбанонимы. Единичные наименования топонимических объектов, цепи и кластеры топонимических наименований демонстрируют представления Ломоносова о географической карте России и Европы; они символически связаны в языковом сознании Ломоносова с его личным жизненным пространством, жизненным путем, полным теми или иными событиями [Лотман,2010,25]¹². Кроме того, «личный ландшафт» М.В. Ломоносова весьма интересен для изучения его мультилингвизма. В качестве примера приведем словарную статью название немецкого города *Касселя*:

CABEL (2) *Eigenname.*

◆ *Кассель, город в Германии в земле Гессен на реке Фульда. В мае 1740 г. М.В. Ломоносов побывал в Касселе для того, чтобы встретиться с русским дипломатом Г.-К. фон Кайзерлингом.*

- Da ich aber den 19 May dahin kam, so habe ich zu meinem Verdruß und Unglück zur Nachricht bekommen müssen, daß er nach Caßel abgereiset der bevorstehender Vermählung des Printzen Friedrichs bey zu wohnen (10, 425).
- Weil ich nun in Leipzig einige gute Freunde aus Marburg gefunden, die mich mit Sich biß nach Caßel nehmen wol[1]ten, so habe ich mich resolviret auf den Weg zu begeben (10, 425).

 Cassel (Zd)

Добавим, что наблюдения ландшафта вокруг Касселя позднее стали основой для создания Ломоносовым новой для того времени теории вертикального перемещения земных слоев: «Проезжая неоднократно Гессенское ландграфство, приметить мне случилось между Касселем и Марбургом ровное песчаное место, горизонтальное, луговое, кроме того, что занято невысокими горками или буграми, в перпендикуле от 4 до 6 сажень, кои обросли мелким скудным леском и то больше по подолу, при коем лежит великое множество мелких, целых и ломаных морских раковин». При этом Ломоносов вспоминает свою «малую родину»: «Смотря на сие место и вспомнив многие отменные берега Белого моря и Северного океана, когда они во время отлива наружу выходят, не мог себе представить ничего подобнее [...] Не указывает ли здесь сама натура, уверяя о силах, в земном сердце заключенных, от коих зависят повышения и понижения наружности? Не говорит ли она, что равнина, по которой ныне люди ездят, обращаются, ставят деревни и города, в древние времена было дно морское?» [АПСС 5,580]. Эти связанные с Касселем наблюдения и размышления Ломоносова позже высоко оценил академик В.И. Вернадский [Вернадский 2010,32].

Итак, приведенные примеры позволяют сделать предварительные выводы о том, что словарь «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» представляет собой универсальный двуязычный словарь к немецким текстам, принадлежащим перу М.В. Ломоносова. Словарь имеет историко-культурную направленность, так как, помимо имен нарицательных, будет включать и имена собственные. Система взглядов на соотношение «личность – язык», характерная для «Словаря немецкого языка М.В. Ломоносова», антропоцентрический подход как главная стратегия подготовки словаря, постановка задач исследования билингвизма и полилингвизма Ломоносова (т.е. анализ взаимодействия разных языковых стихий в языковом сознании) в историческом аспекте настойчиво требует ревизии традиционной схемы подобных словарей. Переориентация модели составления, должна, прежде всего, найти выражение в изменении общего подхода к

¹² Ю.М. Лотман считал, что символический образ дороги и путешествия «более впитывает конкретные исторические признаки»: [Лотман 2010,25].

материалу словаря, в изменении правил формирования корпуса текстов, лежащих в основе исторического «авторского» словаря. В этот корпус могут войти те тексты, которые не связаны непосредственно с авторством Ломоносова, но точно и объективно отражают языковую среду бытия языковой личности.

Литература

Анфертьева А.Н. «Создатели „Минерального каталога“»: Словарь-справочник / Гл. ред. акад. Н.Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 5. «Минералогия М.В. Ломоносова», СПб, 2011.

Вернадский В.И. О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии // Словарь языка М.В. Ломоносова. / Гл. ред. акад. Н.Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М.В. Ломоносова». СПб., 2010.

Герд. А.С. К вопросу о роли низкочастотных фактов в лингвистическом явлении // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 4. СПб, 1993.

Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии. XX в. Словарь личных имен. М., 2005.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений тт. 1,2,3,4,5,7,10. М.; Л., 1950-1959, 1983.

Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010.

Полевой К.А. Михаил Васильевич Ломоносов. Том 2. М., 1836.

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб, 1992.

Столяров Ю.Н. «Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения)» // Столяров Ю.Н. Избранное. 1960 – 2000. М., 2001.

Учебные задания на немецкие гласные//Сост. М.Г. Кравченко, М.А. Зыкова, Н.Д. Светозарова. Л., 1983.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография. Теория. История. Современность. М., 2011.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Duden. Zitate und Aussprüche. Bd. 12. Dudenvrl., Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1998.

Heine H. Lutetia. Brief vom 12. Jan. 1842. Paris. <http://www.heinrich-heine-denkmal.de/>
Rausch R., Rausch I. Deutsche Phonetik für Ausländer. Ein Lehr- und Übungsbuch. Leipzig, 1988.

Ternes E. Einführung in die Phonologie. Darmstadt, 1987.

www.markmet.ru/slovar/shpeiza

Deutsche Sprache im Idiolekt von Michail Lomonossov

Im Aufsatz wird vom Projekt „M.V. Lomonossov und die deutsche Kultur des XVII. Jahrhunderts“ berichtet, dessen Ergebnis Herausgabe des Wörterbuches sein sollte, wo alle deutschen Wörter, einschließlich Eigennamen und Dienstwörter (insgesamt ca. 13 000 Wortformen und 1752 lexikalische Einheiten) vertreten sind. Als Quelle dafür dienten deutsche Texte aus den akademischen Gesamtwerken von Lomonossov in 11 Bänden, sowie auch einzelne Einschübe auf Deutsch aus seinen russischen und lateinischen Texten. Das geplante Wörterbuch enthält nicht nur linguistische Charakteristik der Lexeme und ihre Übersetzung ins Russische, sondern auch real-historischen Kommentar. Das Endziel einer ganzen Reihe von Projekten (wo auch russische und lateinische Schriften dieses großen Gelehrten mitinvolviert

sind) besteht darin, seinen individuellen polylinguistischen Idiolekt zusammenzustellen und seine Verbindungen mit der europäischen Kultur und Wissenschaft aufzudecken.